

**[«Тридцать пять лет жизни гимназии Стоюниной...»
Актовая речь в гимн<азии> Стоюн<иной>]**

Тридцать пять лет жизни гимназии Стоюниной не есть только хронологическое обозначение, дорогое¹ для тех, кто непосредственными нитями связан с гимназией, кто в ней работают: воспитывают и воспитываются, но есть вместе с тем – событие общественное.

Девочки, поступающие сейчас в нашу гимназию, наверное, относятся бессознательно к тому, что они поступают именно в эту гимназию, а не в другую. Но и ученицы, проводившие в гимназии уже несколько лет, как бы они ее не любили и ею не дорожили, едва ли вполне сознают ее значение в истории русского образования.

Может быть, и многие из родителей, отдающих к нам своих детей, знают лишь, что гимназия Стоюниной одна из лучших женских гимназий, как об этом пишут в газетах и журналах.

Нескромно было бы работающим в ней выступать с заявлениями, разъясняющими ее² общественное значение, если бы гимназия Стоюниной не являлась бы действительно нашей гордостью, в сознании которой должна потонуть всякая личная скромность; если бы она не была гордостью всего общества, – Его, а не только нашим с вами – достоянием.

И во-первых потому, что ее происхождение соединилось с³ идеями великого русского педагога, положившего в ее основание краеугольный камень, а во-вторых – потому, что она на протяжении трети столетия определена самым напряженным трудом, еще одной души, неразрывной с ним, трудом М<арии> Н<иколаевны>, который – да позволено мне будет назвать подвигом целой жизни.

Мне уже дважды приходилось говорить с этой кафедры о том умственном сиянии, которым осветил когда-то гимназию один из умнейших русских людей, чье имя и остается на гимназии, как ее высшее украшение.

Пусть сегодняшнее мое слово будет посвящено полностью Марии Николаевне более четверти века после смерти В<ладимира> Я<ковлевича>, вынесшей на своих плечах их общее дело.

Зная бесконечную скромность М<арии> Н<иколаевны>, воздержусь от прямого обращения к ней. Я буду говорить о гимназии, которую она и создавала своей душой, и сохранила в той же юношеской свежести, как бы над ней не тяготело время. Напротив, мы все знаем, как гимназия всегда шла навстречу времени, – и М<ария> Н<иколаевна>, не уставая душой, не покладая рук, впереди всех.

В душе М<арии> Н<иколаевны> гимназия зародилась – В<ладимира> Я<ковлевича> дал ей образующие идеи, <дал> выработаться им в долгом личном опыте.

¹ Далее вычеркнуто: лишь

² Вычеркнуто: важное

³ Далее вычеркнуто: именем и работой одного из

В течение десятилетий идеи должны были приспособляться к меняющимся условиям общественности, первоначальные формы не могли не гнуться в зависимости от новых идей, в колеблющейся связи школы и жизни.⁴

Тем труднее, было вести школу, которая хотела⁵ жить и развиваться, чем содержательнее и глубже были заранее данные ей развивающие идеи и чем более, с другой стороны, – она хотела жить путем школы общественной.

Душа гимназии, верная идеям Стоюнина, должна была сохранить, прежде всего, верность основной его идее – быть верной обществу – и эта верная душа светила в ней из души Марии Николаевны.

Все думают, все, что работает в гимназии и иначе мы думать не можем.

Пусть слова мои не покажутся никому, из всех присутствующих, общим юбилейным местом, – я же поясню позже, содержание чего влагаю в эти слова – поясню небольшим историческим напоминанием.

Гимназия празднует в этом году тридцать пять лет своей жизни. Женское образование в России началось полтора столетия тому назад указом Императрицы Екатерины Великой об учреждении Смольного института. Чем было женское образование в этот более чем столетний промежуток времени от учреждения Смольного института в 1762 до основания гимназии Стоюнина в 1881-м?

В течение целого столетия оно оставалось именно *институтским*⁶ до эпохи великих реформ, до 1857 года – когда впервые прозвучали исторические слова Александра II о предстоящем освобождении крестьян. В этом же году прозвучали и первые слова о праве на образование всех русских девушек – не считаясь с принадлежностью их к дворянскому или чиновному классу. Эти новые слова были сказаны учителем словесности в Ларинской гимназии Николаем Алексеевичем Вышнеградским – и осуществлены с энергией борцов тех героических лет. Они не остановились ни перед какими препятствиями – повлияли на семью Государя, – и Вышнеградский добился открытия первого всесословного женского училища для приходящих девочек, нынешней Мариинской гимназии, по образцу которой сложились затем все правительственные гимназии, подчинив своим планам и старые институты. Во главе первых открытых тогда по новому типу гимназий стал сам Вышнеградский.

Ученицей третьего выпуска, этой первой женской гимназии была Мария Николаевна.

Чем было женское образование до той поры – образование институтское? В нем, прежде всего, почти отсутствовало обучение, образование выражалось в воспитании, потом в самом узком, в самом семейном, и даже домашнем смысле слова.

⁴ Вычеркнут фрагмент: ...каковая идея Стоюнина, основная идея всякой школы живущей, а не мертвой.

⁵ Вычеркнуто: быть живущей

⁶ Вычеркнуто: и только в конце 50- годов

Как чувствовал себя учитель такой школы, в которой образование было делом второстепенным? Какие могли быть отношения его с ученицами, - «воспитанницами института», если он не принимал их человеческих прав на образование, а на одни лишь светские и домашние навыки? Но милые детские сердца искали исхода и вот сложился тип обожаемого институтками учителя, который сам относился к своим ученицам немного покровительственно, немного заискивая, – унижая достоинство женское и свое собственное.

Гимназии Вышнеградского выдвинули значение науки, как образующей силы: для девочек, как и для мальчиков. Этим поднималось достоинство и учениц, и учителя.

С того времени женское образование в России и вступает в новую эпоху.

Женское достоинство как достоинство человеческое было унижено⁷ не только не меньше, но еще больше, чем в допетровскую эпоху, – в просвещенные времена преобразуемой России, в XVIII и во всю первую половину XIX века.

Навыки домашнего житья бытья и те образовательные крохи, которые давались в институтах русским девушкам, может быть, самым талантливым во всем мире! – только освежали педагоги XVI века, – женскую ограниченность, религиозно оправданную Домостроем.

Правда можно сказать, что и мужская ценность определялась в эпоху Петра и петербургских императриц лишь государственными потребностями: будь офицером, чиновником, техником, - но самая идея государственной необходимости бросала⁸ все-таки возвышающий свет на личность русского дворянина, как на частный случай <нрзб.> - для достижения общих целей – в смысле служебной ценности, но все же гражданского, и не домашнего бытия....

Женское воспитание институтской эпохи целиком определялось словами, сказанными позднее Пушкинской героиней:

Балы бы верная супруга
И добродетельная мать...

И никто в те просвещенные времена, даже сама<я> образованная из лучших императриц, не подумал о других порывах женской, – человеческой души.

... Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна!..

⁷ Вычеркнуто: в русском обществе

⁸ Вычеркнуто: озарение

Если Домострой отказывал женщине во всем, кроме принудительной покорности мужу и такой же принудительной заботы о детях и домашнем хозяйстве, то Смольный Институт имел в виду привить вкус к тому же «житью-бытью», внушить добровольные стремления к той же ограниченной жизни – только лакированной извне немецким, голландским и французским лаком –

Старый принцип в новом⁹ видоизменении отзывался однако тем безжизненнее и тем бессознательнее – что <и> названный старым именем – идеал *жены и матери*, лишенный в новое время своей религиозной основы – прелести самоотречения, и целомудренной жертвы, преображался в идеал немецкого бюргерства, французской буржуазии, того духовного мещанства, в котором сливались в одну душу европейской аристократии и буржуазии.

Смольно-институтское воспитание было лишь видоизменением пресловутой домостроевщины: недаром русская молодежь 60-х годов – превратила его в дурную поговорку и попрекала своих отцов и матерей, – поколение Карамзина и Жуковского, – ничем иным, как домостроевщиной, с поклонением которой по справедливости сливая образ «кисейной» или «приятной» барышни.

Разрушить этот лицемерный общежительный уклад, завещанный средними веками, на пользу которого работали институты Императрицы Екатерины и ее продолжательницы Императрицы Марии Федоровны – могла только новая вера – вера в человеческую ценность женскую.

Но для этого надо было утвердить еще человеческую ценность мужскую. Т. е. внедрить в общественную совесть идею человеческого достоинства.

Предстояло раскрепостить русских людей от исключительного и служебного подчинения целям государственным, открыв все окна и двери индивидуализму и общественности, двум концам одного бытия – по завету развитого-свободного духа человеческого.

О, как далеко и уже только звучат сейчас эти слова, – теперь ставшие инстинктом, с которым дети рождаются на свет в наши дни. Полвека тому назад эти слова принимать как разрушительные – за них боролись и отдавали душу, за них (удивительно и подумать сейчас) преследовали!..

Когда произошло мужское раскрепощение, тогда произошло и женское.

То и другое было создано нераздельно, но и то и другое входило в жизнь не сразу.

Новая вера в воспитании была высказана Пироговым. Вышнеградский начал применять ее, в частности, к женскому образованию.

Символом новой радостной веры, отвечающей духу великих реформ, и явилась мысль о том, что задача образования – есть задача произведения человеческого достоинства.

⁹ Вычеркнуто: приложения

С тех пор, как только это, теперь общее место, а тогда – вещное слово, было сказано, – институтскому домостроевскому воспитанию пришел конец.

Не хозяйство, а образование! И самые семейные добродетели – тогда становятся добродетелями, когда они идут от разума и воли, а не от страха и принуждения...

Татьяна заслуживала лучшей участи.

И люди 50-х годов полагали основание новой женской судьбы. К началу 70-ых Россия получила даже не одну женскую гимназию, которая открывалась теперь по почину и самого правительства. Из среды этих новых русских девушек, отмеченных печатью «великих реформ» вышла и М<ария> Н<иколаевна> – одна из первых учениц первого из женских училищ, открытых Вышнеградским, год она училась у одного из тех молодых учителей, которые явились представителями нового женского воспитания – женского достоинства как достоинства человеческого. Это был И. Я. Стоюнин. Четверть века спустя они вместе открыли свою гимназию – следующую высшую, после гимназии Вышнеградского, – ступень в лестнице¹⁰ женского образования в России.

Но в те годы, только что кончив 17-летней девушкой Мариинское женское училище и скоро выйдя замуж за своего бывшего учителя, она ничем еще себя не заявила общественно, ограничиваясь «тесным кругом» личных и семейных обязанностей.

Между тем в годы, непосредственно следовавшие за реформой Вышнеградского, дружный ответ¹¹ женщин – Стасовой, Трубниковой, Конради, Философовой – поднято было движением, направленное к приобретению для девушек прав на высшее образование.

В 70-х годах были открыты сначала публичные лекции, а затем и постоянные женские курсы – во главе которых стал проф<ессор> Бестужев. Тогда-то основалась и первая женская гимназия, как отклик на это новое движение – для подготовки девушек к высшему образованию – гимназия кн. Оболенской, одной из гимназисток тех идеалистических лет, не побоявшейся предрассуждений своей среды – смело поставившей на вывеску свой княжеский титул.

Для женского образования поступок был во всех отношениях времен «славы и добра», если б не те глупые иные веяния из высшего управления страной, которые шли из традиций институтско-домостроевских. Эти влияния уже приближали превращение мужской школы в формально-классическую – в противовес общественным надеждам, мечтаниям о школе живой и реальной.

Эти влияния, пугавшиеся женского просвещения вообще, привели к приостановке приема на высшие курсы, а затем и их закрытию. В женских гимназиях снова стали успешно прививать институтские¹² традиции для

¹⁰ Первоначально: истор<ии>

¹¹ Вычеркнуто: русских

¹² Вычеркнуто: вкусы

развития семейных и хозяйственных наклонностей, а не образовательных, и уж отнюдь не общественных.

Вот в эти-то годы М<ария> Н<иколаевна> и решила высказать свою мечту сначала мужу, а затем – Достоевскому, – основать женскую гимназию.

Наперекор этим веяниям – дать в средней школе то, в чем полуотказывали или отказывали девушкам, неудовлетворенным древней институтской культурой. Перед полуоткрытыми, а потом и закрытыми дверями высших курсов задумала М<ария> Н<иколаевна> свое светлое общественное дело. Не только сообщить серьезное знание, но и приготовить к жизни пробуждение общественных институтов. С тем, чтобы девушка, кончая гимназию, хотя бы в семью несла новую душу – не институтскую, раболепную и невежественную, а достойную¹³ человека. Чтобы знание стало основой тех порывов любви и самоотвержения, примером которых высшее общество зачитывалось в романах Пушкина, Тургенева и Достоевского; порывов, о которых¹⁴ заявило о себе столько беззаветных женских сердец.

Вот наше национальное достояние, и для воспитания его нужна была школа.

Разве мог Достоевский на это не отозваться? Разве мог Стоюнин не почувствовать в этой задаче биение сердца тех времен, на заре которого стояли Пирогов и Вышнеградский, которого сам он был один из самых убежденных последователей.

Так основана была гимназия Стоюниной, как школа общеобразовательная и общественно воспитательная – в годы, тяжелые для малейших признаков свободной общественности – как луч в потемках. Первая школа с определенно выраженным общественным характером.

Надо быть знакомым с идеями Стоюнина, чтобы понять, что он и не мог способствовать основанию школы иного типа, но надо знать и М<арию> Н<иколаевну>, чтобы понять, до чего именно? душа ее, еще раз скажу, одной из тех идеалистически-порывистых русских женщин, которых породила эпоха великих реформ, не идеями лишь и убеждениями, но всем своим существом – кровно всю жизнь гимназии должна была определять и определила...

Велико значение и Пирогова, и Вышнеградского, и Стоюнина, поверивших в женское достоинство, но вера их лишь с той минуты стала плотью, когда в их ученицах инстинкты образования сказались инстинктами общего дела: не теоретическая лишь затея, а призывом к деятельности и пробуждению порывов к ней в душе.

Тогда только институтская школа действительно уступила свое место иной ее отменяющей, когда русские девушки прониклись той верой, что образование есть основа общественного труда, что пусто и мертво то образование, которое не движется стремительно к общей цели, к общему благу – народному и через народное к всечеловеческому.

¹³ Вычеркнуто: женщины

¹⁴ Вычеркнуто: в 60 – 70 годы

Более того – М<ария> Ник<олаевна> поверила – не только в женское общество, но и в женское преимущество. И на эту-то веру с особенным возбуждением отозвался Достоевский.

Она сказала ему: «русское общество обновится через русских женщин» – поэтому и нужна школа, чтобы воспитать русских девушек для этой цели».

И на эти-то слова Достоевский возбужденно воскликнул: «Это – идея, идея!...».

Эта идея глубоко национальна. Она лежит не только в почве, но, можно сказать в подножье русской литературы и русской религиозности. Русская женщина 60-х годов почувствовала ее, как основу русской общественности, и основала для исполнения ее, женскую гимназию. Сегодня мы отмечаем 35 лет ее существования.

Да, скажем же не только мы – учителя и ученицы ее, но пусть повторит за нами и все русское общество: вечное спасибо М. Н. Стоюниной!..

От¹⁵ воспитания – принципы которого были – рукоделие, хозяйство, хорошие манеры и французский язык – до гимназий 60-ых годов с принципами женского образования равного мужскому – должно было пройти столетие.

В развитие этого последнего принципа развернулось¹⁶ просветительное? движение, давшее женщинам первую серьезную школу среднюю и выявившее затем стремление к образованию высшему. Этим уравнилось образование женское с мужским.

Однако совершившаяся смена официального идеализма идеализмом общественным требовала и школы, соответствующей этому идеализму, неудержимо растущему с каждым годом, с каждым десятилетием, который мог быть задержан в своем росте, но не мог быть отменен и убит.

Новое образование и было рождено дыханием этого идеализма.

И замечательно, что школа, поставившая своей задачей «развитие чувства общественности», как сказано в одном из первых отчетов о деятельности гимназии Стоюниной, была именно женской гимназией, вслед за которой уже пришла с подобными задачами, школа мужская.

Вера Пушкина, Тургенева, Достоевского в русских женщин была оправдана.

Из недр женской души родилась у нас школа общественного назначения.

Если школа Вышнеградского поднимала достоинство учителя, коверкая достоинство учениц, то школа общественная произнесла иные слова – те, которые мы и читаем в первых отчетах нашей гимназии: «Преподаватель должен быть воспитателем», разумея под воспитанием, развитие общественного духа, основанное как на научных знаниях, так и на новой дисциплине.

¹⁵ Вычеркнуто: институтского

¹⁶ Вычеркнуто: образовательное

Новая дисциплина была названа внутренней и противопоставлена – внешней, формальной – кадетских корпусов и женских институтов.

Она не признавала *отметок, наказаний и экзаменов*: всего того, на чем покоилась старая¹⁷ школа, дообщественной эпохи – школа произвола и лицемерия. Внутренняя дисциплина, т. е. душевная, дисциплина совести, свободы и любви. Она смотрела внутрь¹⁸ детского сердца, а не скользила по поверхности. Она уважала достоинство¹⁹ ученицы и видела его в чувстве любви и общности, а не в тщеславии и соревновании. Поэтому она смотрела на класс не как на случайный подбор одинаковых по возрасту девочек, но как на маленькое общество, которое надо воспитать для жизни в обществе большом – общенародном. Воспитательница класса не институтская классная дама, надзирающая лишь за поведением, (не было бы оно дурно!) и пресекая детские проступки (или чего доброго, даже преступления!) но наблюдательница их детской и юношеской воли, направляющая ее к сознанию ответственности и самоуправлению.

Этими почти неслыханными тогда педагогическими мечтами вызывали Стоюнины **появление** русского общества, таким, каким оно становится сейчас, – тогда лежавшего еще в пеленках.

Надо прочесть сохранившиеся в старых отчетах горькие жалобы первых руководителей школы, объединенных вокруг Стоюниных, на равнодушие, недоверие и даже недоброжелательства семей в отношении к тому идеализму, которым новая гимназия чертила план будущего русского общества через влияние на самый чуткий и восприимчивый из его корней – женскую душу!

Теперь эти жалобы прозвучали бы дико, – тогда они указывали на то, как далеко вперед смотрела гимназия 80-х годов, как она должна была верить в общество и с какой беззаветностью трудиться, чтобы не упасть духом.

И М<ария> Н<иколаевна> верила, трудилась и никогда не падала духом...

И сейчас ее гимназия светится все той же душой – любовью к русскому обществу, верой в женский труд, надеждой будущего, надеждой неумиряющей, как бы ни становилось временами мертво вокруг.

Ученицы, кончающие сейчас гимназию и те, чье окончание уже близко! К вам обращаюсь с заключительными своими словами:

Вы поступили в гимназию – в годы, когда русское общество с новой силой и уверенностью пролагало пути для исполнения правды общественной, которая свята тем, вдвойне, что она есть правда человеческая и Божья неразделимо... Вы вступаете теперь в жизнь в годы величайшего народного напряжения и испытания. Не падайте духом, верьте во внутреннюю силу народную. Эта внутренняя сила его в том же, в чем и у <нрзб.> народа: она

¹⁷ Вычеркнуто: институтская государственная

¹⁸ Вычеркнуто: человеческого

¹⁹ Вычеркнуто: каждой

заключается в его общественной совести, зовущей к правде, к любви, к свободному труду.

Там, где жива совесть народная, там живет народ во всех и не погибает.

Я говорю – совесть, потому что совесть не оставит ни отдельного человека, ни целый народ бездеятельным. Она зовет его не мечтать лишь, не мечтать лишь о жизни праведной и достойной, не только надеяться, но исполнять *надежду* посильной работой каждого во благо общее.

Этому учит вас гимназия, это ее заветы. Это заветы русской общественности, заветы эпохи великих реформ, заветы того, чьи идеи легли в основание гимназии, в этих заветах душа М. Н. Стоюниной.

Время трудное и ответственное, время трудовое.

Теперь, как никогда до сих пор русские люди нуждаются в общественной по мере сил каждого и по велению совести.

К этому зовет всех родина, никто сейчас не может оставаться праздным удовлетворяясь отношениями личными, частными.

Для всяких сил и способностей найдется сейчас дело.

Нельзя поверить, что не найдется.

Но если бы не нашли, не сумели – если бы вы не сумели принять непосредственного участия ни в какой общей работе, если бы где-нибудь судьба сложилась в пределах личных и только семейных обязанностей, не теряйте и в самых тесных пределах частной жизни веры в народ и его совесть, которая и называется духом общественности и поддержите вашей верой тех, с кем вам случится встретиться на вашем пути, подымая веру в том, в ком она готова упасть, и передайте ее вашим детям, будущим поколениям русских людей!

И пусть эти мои заключительные слова, которыми я хотел бы передать и мою любовь к России и веру в ее будущее – будут приветствием М^{ари}и Николаевне, от одного к тем многим, в ком она так часто подымала веру и воодушевляла к труду – Приветствием единственно достойным ее души и ее прекрасного дела – ее гимназии: подвига женской жизни отданной на благо общее.